

РАДОСТНЫХ СЛОВ ИСКАТЕЛЬ

24 октября исполнилось 90 лет со дня рождения пермского поэта Алексея Домнина

Максим
ШАРДАКОВ
max_shardakov@
zvezda.su

Обидно и горько, что временно рано догорела лучина жизни поэта и историка, балагура и выдумщика, художника, страстного рыболова и охотника, истинного интеллигента и нежного семьянина – Алексея Михайловича Домнина. Его богатое творческое наследие – повести и рассказы, стихи и публицистические работы, статьи и переводы – известны многим читателям. Но вот о жизни литератора, на книгах которого выросло не одно поколение пермяков, потомки знают до обидного мало. Чтобы восполнить пробел, мы попросили поделиться семейными воспоминаниями детей Алексея Домнина – дочь Елену и сына Илью.

ОЗОРНИК С ВИСИМА

– Весельчаком и шалуном отец был с младых лет. Давал, наверное, шороху моей бабушке Наталии Яковлевне, – говорит Илья Домнин. – Хотя с ней не забалуешь: женщина простая, но строгая, в прошлом была воспитательницей детдома для беспризорников. Так что отцу доставалось на орехи! Кстати, работая после войны акушеркой в роддоме Грачевской больницы, она, пожалуй, едва ли не половину населения Мотовилихи приняла на руки, в том числе и всех своих внуков.

– Ну, положим, за шалости и нам не раз попадало, а отец только молча ухмылялся, он понимал нас, ведь вырос в самом нежном сердце рабочей Перми – на Висиме, – добавила Елена Осокина (Домнина).

Алексей Домнин учился на историко-филологическом факультете Пермского госуниверситета – на том самом послевоенном «творческом» курсе, который окончили представители писательской элиты Прикамья, в том числе и Виктор Астафьев. Уже тогда Домнин в творческих состязаниях с Виктором Петровичем мог экспромтом сочинить озорные частушки на социально-бытовую тему, да еще и с марксистско-ленинским уклоном, за которые можно было схлопотать срок по политической статье: «Эх, тетюшка моя, матушка Лукерья / Первично сознание, вторична материя».

С ДЕТЬМИ НА РАВНЫХ

И в будущем застолья с друзьями никогда не обходились без искрометного юмора и подковырки в стихах. А дом Алексея Михайловича всегда был полон гостей. Главным образом из «старой гвардии» писателей: два Льва – Кузьмин и Давыдычев, Владимир Воробьев, Авенир Крашенинников, Андрей Ромашов, журналист Роберт Белов. Часто Домнина навещали артисты ТЮЗа, режиссер документального кино Михаил Заплатин, художники Пётр Оборин и Александр Зырянов. Бесчисленное количество жарких творческих споров выслушали и выдержали стены кабинета поэта.

– Мало кто знает, что Капризку – героя сказок Владимира Воробьева – придумала наша мама, – рассказывает Илья Домнин. – Однажды, укладывая нас с Наташкой (сестра Ильи, которая старше его на целых 15 минут – авт.) спать, она громко и строго сказала: «Где этот Капризка, а ну гоните его прочь, и спать!» Владимир Иванович подслушал эту фразу, и сказочный герой обрел своего творца. Вообще мы часто становились первыми читателями рукописей соратников отца по перу – это и стихи Кузьмина, и «Капризка – вождь ничевоков» Воробьева, и даже «Царь-рыба» Астафьева.

«Мало кто знает, что Капризку – героя сказок Владимира Воробьева – придумала наша мама»

– Отец тоже умел слушать забавные детские высказывания, на которые большинство взрослых не обращало внимания, а то и просто отмахивались. Он говорил, что все дети талантливы, только вот развивается талант редко, – добавила Елена Алексеевна. «Пошел по свету радостные слова для детских сказок искать!» – вот его любимая поговорка.

Однажды в гости к Домниным пришел маленький мальчик, который очень интересно начал описывать зверей из Пермского зоопарка. Алексей Михайлович вроде бы даже несколько рассеянно слушал мальчугана, однако сразу после его ухода в кабинете бойко застучали клавиши пишущей машинки. Именно из этих рассказов родилась серия книг Пермского книжного изда-

В редакции «Звезды»: «литературный отец» Капризки Владимир Воробьев, Алексей Домнин и его «литературный сын» Михаил Смородинов. Фото из архива автора

тельства «Сами о себе», авторами которой были дети разных возрастов. А того смысленного мальчишка, между прочим, звали Миша Смородинов – в будущем поэт с ярким талантом, любимый ученик Домнина и корреспондент газеты «Звезда».

– Отец порой целыми днями пропадал в звездинской редакции, где у него было много друзей, – вспоминают Домнины. – Бывал на радио и телевидении, готовя тексты к детским передачам и документальным фильмам, в ТЮЗе и кукольном театре, где писал стихи к спектаклям. А по вечерам он запирался в кабинете и творил. Мы даже не могли уснуть, если не слышали привычный перестук печатной машинки. Уходя утром в школу, мы на цыпочках пробирались в папин кабинет, где заставляли отца крепко спать прямо в кресле за рабочим столом после всенощного сидения за рукописями.

ВМЕСТЕ С ПУТИКОМ

– Летом в пору отпусков отец снимал где-нибудь в глуши деревенский домик, где мы всей семьей проводили две-три недели, – говорит Елена. – Крепко запали мне в память Баранята. Здесь мы пили парное молоко с толком, ходили по грибы и ягоды, пытались ловить в ручье пескариков на загнутый гвоздик с дохлой осой на острие. По шутливой подначке

отца, надев вывернутые наизнанку старые тулупы, мы подкрадывались к пасущимся по соседству ягнятам. А вечером наблюдали, как на фоне закатного солнца кони запросто перемахивали через плетень на краю овсяного поля.

Почти всегда в доме Домнина были собаки. Предмет особой гордости – лайка по кличке Путик, а по родословной – потомственный северный оленегон.

Виктор Астафьев писал про Домнина: «Есть у меня друг, что на охоту выйдет за околицу и сразу садится пить чай»

– Отец приходит домой и спрашивает: «Ленка, надо собаку?» У меня и сердце замерло! – вспоминает Елена Алексеевна. – Нам достался четырехмесячный мохнатый рыжий щенок. Кто-то посмеивался над его смешной кличкой, а мы с папой знали, что путик – это охотничья тропка, совсем незаметная в тайге. Надо сказать, Путик был талантливым охотником и очень свободолюбивой собачьей личностью. Однажды мы встретили стадо овец. Путик живо отогнал одного барана и погнал его куда-то в овраг, я в испуге кубарем за ним. А отец объяснил: дескать, охотничий инстинкт, зов предков...

НА ОХОТНИЧЬИХ ПРОСТОРАХ ПРИКАМЬЯ

Охота – особое пристрастие Алексея Михайловича. Ей он увлекся еще с юношеской поры. Не найти мест в Прикамье, где бы он не побывал со своим лучшим другом, писателем Андреем Ромашовым в лесных походах. Виктор Астафьев писал про Домнина: «Есть у меня друг, что на охоту выйдет за околицу и сразу садится пить чай». Костер, насквозь прокопченный котелок и лист дикой смородины в кипящей воде – традиционная церемония в каждом его походе. На дальних кордонах и кое-что покрепче порой выныривало из рюкзака, и начиналась долгая беседа под аккомпанемент птичьих трелей из ближайшего леса. Совсем как на известной картине «Охотники на привале»!

Однажды он чуть не замерз в лесу – так устал, что сил не осталось дойти до жилья. Сел в снег под елку и уже стал забываться. А как подумал, что завтра утром кому-то надо Илюшку с Наташкой поднимать, одевать и в садик вести – какая-то неведомая сила поставила Домнина на ноги и заставила идти дальше.

– Папа с ранних лет стал брать меня с собой в походы по лесам-полям-болотам. Поэтому постепенно его страсть к таежному бродяжничеству привилась и мне, – рассказывает Илья. – Порой сижу у костерка с кружкой чая, дежурный солист – рябчик – маняще выводит свою трель на взгорке, и вспоминаются семейные походы на моховые болота за брусникой и клюквой. И, словно наяву, батя говорит мне: «Илюшка, пока наши ягодожники собирают урожай, мы во-о-он там, на вырубке косачика проверим». А я с рюкзаком за спиной семеню за отцом, подражая его быстрой и легкой походке.

РАЗНОСТОРОННЯЯ ЛИЧНОСТЬ

Решительно все представляло интерес для Алексея Михайловича в лесу. Одному ему ведомым взглядом он усматривал в причудливых изгибах древесных веток, корней или корявых наростов будущих персонажей своих поделок. Принося домой заготовки, Домнин садился за инструмент, и в его руках обработанные корни оживали в бородатого старика, балерину, черта или одиозного пирата. Обычный поперечный спил березы, оказывается, таил в себе лик Мадонны с ребенком на руках. Уродливый нарост превращался в умелых руках в пепельницу или вазу. Алексей Домнин обладал удивительным умением видеть материал вглубь. Стол с основой из узловатого корня, винторогий торшер, полочки его кабинета были уставлены разнообразной деревянной фантазией. Художника Петра Оборина такая страсть Домнина вдохновила на создание известного полотна – портрета мастеровитого поэта на фоне его искусных поделок.

(Окончание на стр. 10)

Алексей Домнин с сыном Ильей и дочерью Натальей на берегу речки Быковки в гостях у Виктора Астафьева. Фото из архива автора